

Из войны — не о войне

Размышления над сборником «Соты», изданном в Киеве

Прежде всего, стоит сказать несколько слов о формальных особенностях издания, они, мне кажется, важны и если не знаменательны, то показательны. Под обложкой «Сот» собрано почти восемь десятков авторов, представляющих практически все регионы Украины, а также зарубежье, как ближнее, так и дальнее

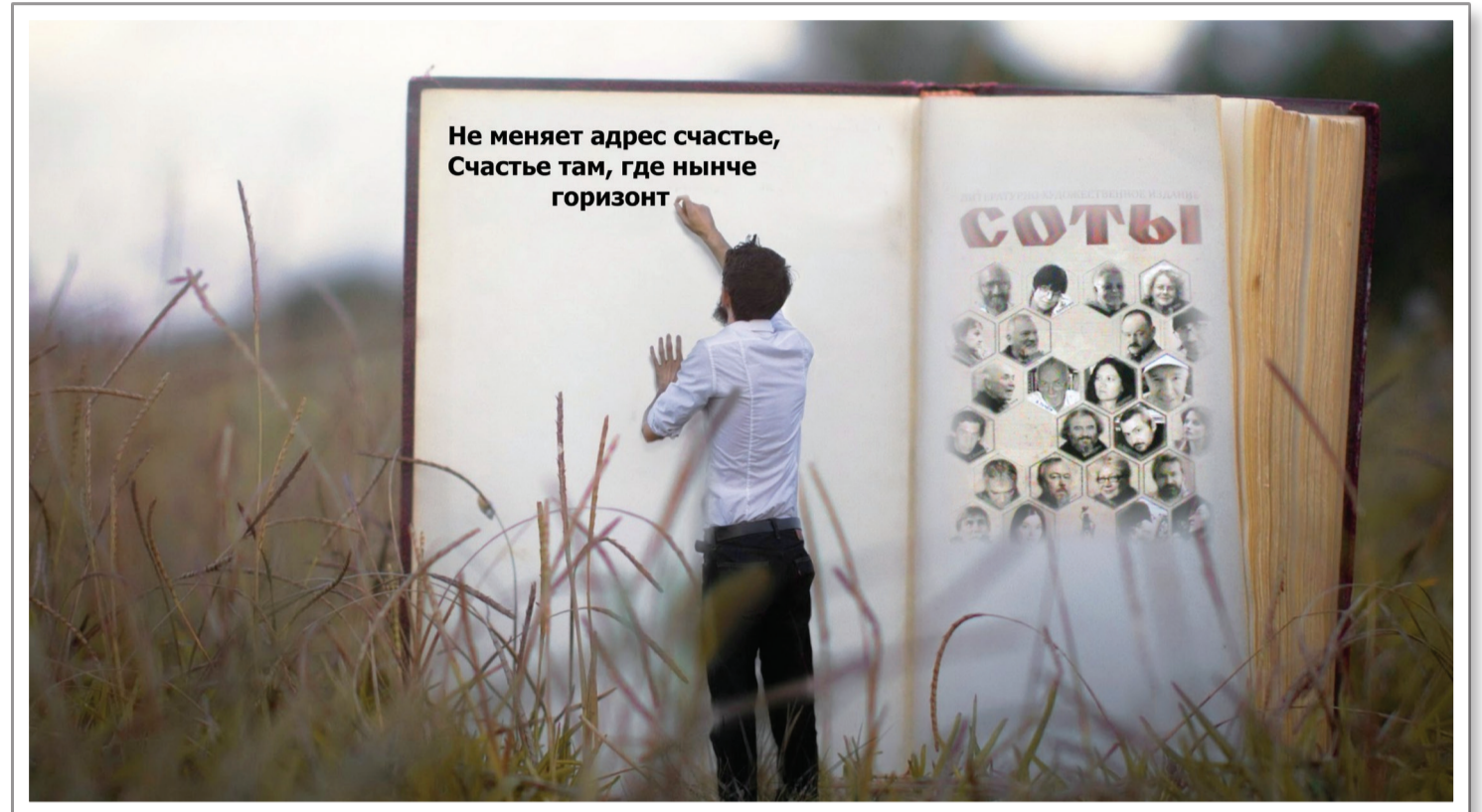
География широка и разнообразна: Киев, Одесса, Николаев, Харьков, Львов, Ровно, Каменец-Подольский, Винница, Сумы, Ужгород, Донецк, Москва, Тула, Крым, Ялта, Варшава, Женева, Канада, Израиль, Чикаго, Техас, Нью-Йорк, Германия, Индия. Возрастной диапазон по охвату не уступает географическому или даже превосходит его. В сборнике представлены поэты и писатели разного возраста, включая тех, кто уже завершил свой земной путь.

Проблема разрыва преемственной связи литературных поколений, столь острая и болезненная для современной украинской литературы, перед составителями «Сот» не стояла. Конструктивное взаимодействие между старшими, средними, молодыми и юными видно невооружённым глазом. Не сборник, а целое собрание, настоящая антология! Вот только антология чего? Современных киевских литераторов? Современной украинской литературы? Русских писателей Украины?

Варианты возможны разные. Наиболее подходящий из них, на мой взгляд, это — антология украинской литературы, лишённой антирусского начала. Кроме того, что «Соты» — сборник-антология, это ещё своего рода мозаика: некое целое, составленное из множества самостоятельных элементов. Или лучше было бы сказать, используя метафору из названия: не мозаика, а «сотовая структура»?

Трёхлетие 2014-2016, очертившее хронологические рамки нового литературного проекта, вместило в себя вереницу исторических событий. Фейерверк потрясений и катаклизмов, грянувших в эти годы на разных континентах, увы, не обошёл стороной родную землю авторов, собравшихся под одной обложкой в «Сотах», — Украину. Это обстоятельство поневоле настраивает читателя на определённую тематическую заданность.

Там, где говорят пушки, музы тоже должны, просто обязаны говорить о войне. Но такое представление оказывается обманчивым: война в той или иной ипостаси, безусловно, присутствует в ряде текстов как своего рода задний план, точка опоры или даже как некая высшая сила, рок. На весь же сборник в целом этот вывод распространить вряд ли удастся. В произведениях, собранных в нём, много лирики, философии, рефлексии, присутствуют «излишества», вроде верлибра и даже элементов «искусства для искусства», но в то же время мало войны. Той самой, с которой новый выпуск «Сот» (издание выходит с 1998-го) совершенно явственно, чётко, зримо совпадает по времени и месту и которая должна была бы, по идее, стать одним из его главных тематических узлов. Не стала. Осознание или, скорее, ощущение того, что «нам выпало в

Не меняет адрес счастье,
Счастье там, где нынче
горизонт

ночное время жить...», присутствует, а вот войны почти нет.

Возможно, одним из объяснений такого положения вещей следовало бы считать то обстоятельство, что война — это событие, а большинству же авторов, представленных в «Сотах», событийность в любых её проявлениях не присуща, чужда. Её если и можно отыскать, то не как описание события, а в лучшем случае — как его отблеск, след, отпечаток, оставшийся в памяти о прошлом, мелькнувший в мечтах о будущем, привлёкший внимание в рефлексии о настоящем.

О войне авторы, лирические герои говорят совсем немного, как бы вскользь. О времени, об эпохе, в которой им вышло существовать, — тоже негусто. Новая, кардинальным образом изменённая реальность присутствует, в основном, в новых реалиях. «В раскуроченном дворе кукла страшная сидит: муха роется в дыре балалаквы...». «Страна празднует, как всегда, «день жалобы». / Отпевают живущих не то поп, не то сотник». Они — реалии — всплывают в текстах без комментариев, как бы по касательной. К реальности прислушиваются, присматриваются, но определить, каким образом её включить в привычный порядок вещей и ход событий, то ли не могут, то ли не хотят, то ли пока не получается.

Ощущение времени у каждого из авторов сборника своё собственное. Взаимозависимость времени и места проявляется со всей отчётливостью. Личная география, «место сидения» оказывает существенное влияние на осмысление времени — исторического, коллективного, индивидуального. Природы, характера, специфики каждого из них и всех их вместе взятых во взаимозависимости и взаимном проникновении. Чем ближе к востоку страны, тем сильнее раскаты грома. Для кого-то это канун трагических событий, передовая истории, перелом. Для других — «время ч», в коем честно и черно». Для третьих — вполне обычный, не считая некоторых «особенностей», период, вызывающий практически те же самые эмоции, что и предыдущие.

В предгрозовую пору уже при первых ударах страшной бури большинство лирических героев продолжает вести привычную жизнь, тешиться обычными радостями, грустить по поводу знакомых проблем и невзгод. В ткань этой жизни, в «судьбы

простое полотно», правда, влетают, невиданные и неведомые прежде элементы декора, новые детали. Несущие в себе угрозу, зло, конфликтные, почти военные. И когда, и откуда может прийти этому злу предел.

Никому из лирических героев не хочется видеть в происходящем бедствие, страшнее всемирного потопа. Впрочем, тень потопа в сборнике намечена, причём, в позитивной интерпретации, как своего рода «светлое будущее», инструмент восстановления утраченной гармонии: «И вот-вот потоп — наплыва с грядок / валунами слизней, стадами тли — / перемелет всех, наведя порядок / на отдельно взятом клочке земли». А с тем клочком, в котором обитают и обретаются авторы «Сот», что? Ждать ли им спасительного потопа? Каким окажется для них новый порядок? Останется ли в нём место для них, таких, какие они есть?

Осмысление собственного места в потоке дней, мелькании лет, веков, смене времён и, попутно, своей гипотетической значимости в системе жизни занимает важное место. В отдельных случаях оно дополняется мотивом поиска «своих» и определения «чужих» в новых раскладах, упавших, как снег на голову. Граждане Украины — украинцы, русские, евреи, — дети «Русского мира», его внуки и правнуки. Где теперь для них «наши»? Если брать в руки автомат и идти на фронт, то ответ на этот вопрос более или менее понятен. А если не брать, если не идти? В той дикой вакханалии, которая разгорелась на их земле, ответить на новые вопросы не получается.

Внутренние ощущения, интуиция что-то подсказывают, но окончательного решения нет, особенно для тех, кто осознанно или на уровне подсознания пытается до последнего избежать открытой конфронтации с победившими «чёрными муравьями». Извне ни сигналов, ни тем более действий, способных внести ясность, помочь распутать узел противоречий, разрешить сложнейшую коллизию, всё более отчётливо приобретающую черты экзистенциальной, нет. Мир горит, но хранит молчание.

В тяжёлые минуты, в лихие времена человек часто обращается к Богу. В сборнике Бога, как и войны, мало, прямых обращений к нему, молитв — тоже. Зато

присутствует Слово, с одной стороны, как специфический аналог творческого, божественного начала, с другой — как эстетическая данность, «слово для слова». Субстанция, чудесным образом вырвавшаяся из пут и уз повседневного языка и обыденной речи, вобравшая в себя смысловые и прочие наслоения, превратившаяся в результате какого-то волшебного ритуала в искусство. Некоторые страницы «Сот» способны порадовать и удивить самого взыскательного читателя цепочками, вереницами слов, выплескивающимися из души поэтов на бумагу и рождающими содержание, смыслы. Кто-то скажет — как в постмодернизме. Я бы сказал — как в настоящей литературе.

«Сотах» собраны и стихи, и проза (её заметно меньше, чем поэзии), и литературная критика (совсем немного), и публицистика. Есть тексты эпистолярного жанра, жанров гибридных, возникших в результате жанровой диффузии, усугублённой переосмыслением и переоценкой целей, задач, фундаментальных основ словесного искусства и текста.

В сборнике просматривается нечто такое, что можно было бы, пускай с натяжкой, квалифицировать, как «донецкий текст», «текст Донбасса». Это — ряд произведений разных авторов, в которых на фоне представления внешней атрибутики шахтёрского края делаются попытки осмыслить его сущность, специфику, разглядеть его будущее. Почти все они проникнуты болью, тревогой, разочарованием. Основной пафос — негативный, пессимистический: «В тех местах меня давно уже нет, / Мы, номады, дорожим ли местами!».

«Соты» — причудливая смесь, с одной стороны, лирических откровений, философских умозаключений, раздумий о прошлом, настоящем, будущем, воспоминаний о памятных моментах, с другой — скорби и печали. А также — апелляция к судьбе, попыток, встав над бытом и над схваткой, осмыслить глубинные причины и мотивы происходящего. Ну, и наконец — погони за счастьем. Лирические герои отдают себя этому занятию полностью и без остатка, хотя им заведомо известно, что «Не меняет адрес счастье, / Счастье там, где нынче горизонт».

Яков РУДЬ,
Киев